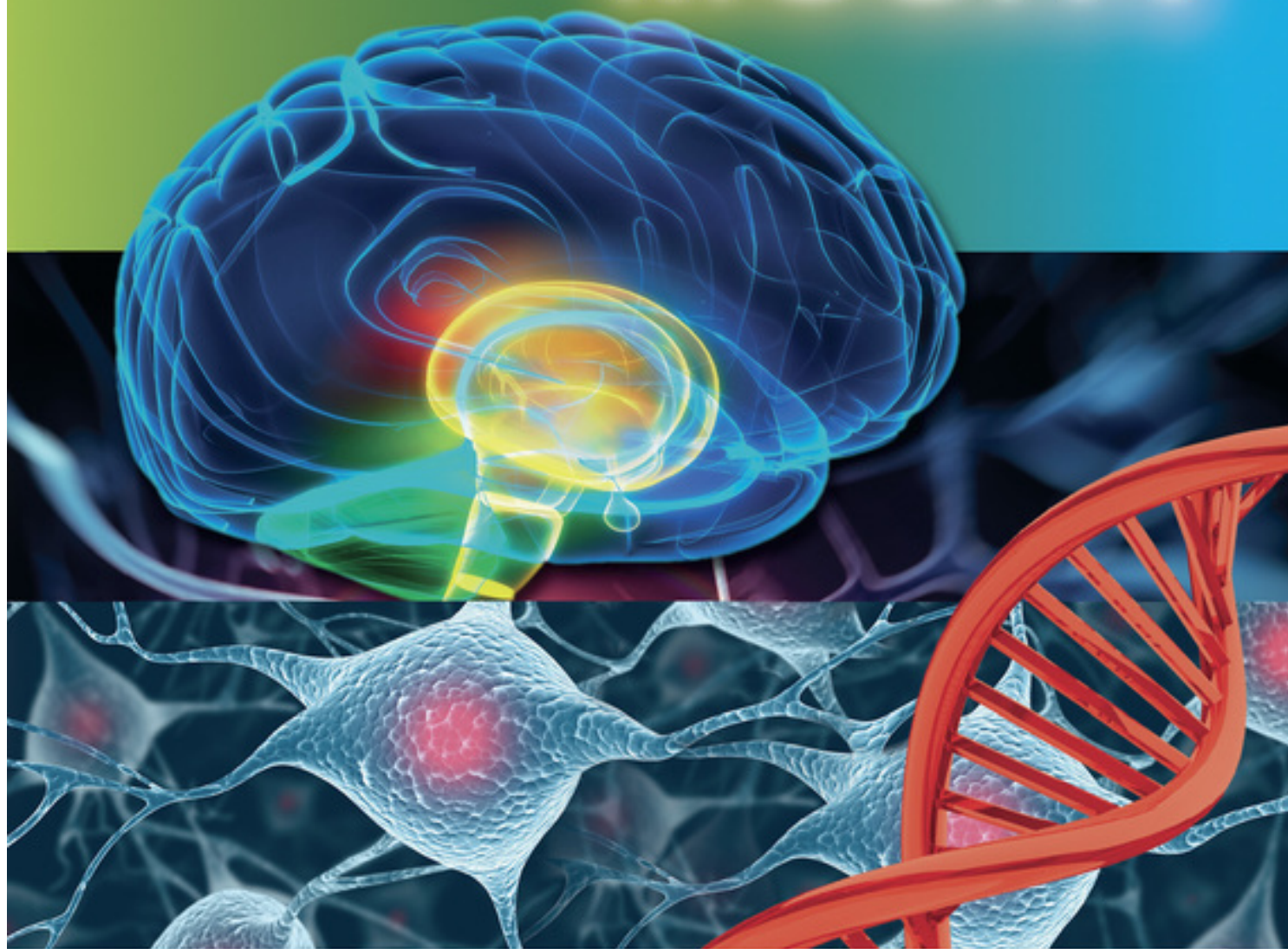

ВЛАДИМИР
БЕХТЕРЕВ

профессор, д.м.н., всемирно известный русский медик-психиатр, невропатолог, физиолог

ФЕНОМЕНЫ МОЗГА

ЧЕЛОВЕК

ГЕН
ВСЕЛЕННОЙ

Человек – ген Вселенной

Владимир Бехтерев

Феномены мозга

«АСТ»

Бехтерев В. М.

Феномены мозга / В. М. Бехтерев — «АСТ», — (Человек – ген Вселенной)

Про академика Владимира Бехтерева современники говорили, что анатомию мозга знают только двое – господь бог и Бехтерев. Он первым вторгся в святая святых человека – его сознание. И смог не только излечивать от самых серьезных болезней, но и управлять людьми с помощью внушения и гипноза. Бехтерев провел сотни уникальных опытов гипноза, после которых люди чудесным образом возрождались и избавлялись от своих пагубных привычек: алкоголизма, курения, наркомании. Он объяснил тайну иллюзий и галлюцинаций – от призраков и стигматов до колдунов и НЛЮ (но верил в жизнь на других планетах!). Он понял, как Христос исцелял безнадежно больных людей. Разоблачил сектантов, предсказателей «концов света» и фокусников, выдающих себя за ясновидцев. Проанализировал, почему разгораются войны и как появляются такие лидеры, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон. Он исследовал самый фантастический феномен – передачу мыслей на расстоянии. Он знал, какими будут люди будущего. И самое удивительное открытие легендарного ученого – Бехтерев раскрыл секрет бессмертия.

© Бехтерев В. М.

© АСТ

Содержание

Предисловие	6
Про гипноз	10
Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе	14
О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями	19
Про внушение	22
О роли внушения в общественной жизни (часть 1)	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Михайлович Бехтерев

Феномены мозга

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

«...Знают только двое – Господь Бог и Бехтерев»

Ему удивлялись. Ученик академика Бехтерева профессор Михаил Павлович Никитин вспоминал свой разговор с одним из зарубежных ученых, который неожиданно признался: «Я бы поверил, что Владимир Бехтерев один сделал так много в науке и написал такое количество научных работ, если бы был уверен, что их можно прочитать за одну жизнь». Разные библиографические справочники свидетельствуют, что Владимир Бехтерев написал и опубликовал более тысячи научных работ.

В него верили. Рекомендую молодого ученого Бехтерева на заведование кафедрой психиатрии Казанского университета, его учитель И. М. Балинский писал, что «он встал твердой ногой на анатомо-физиологическую почву – единственную, от которой следует ожидать дальнейших успехов в науке о нервных и душевных болезнях».

О нем складывали легенды. Одна из самых известных даже получила название «Бехтерев на обходе». «Бехтерев ходил по палатам, сопровождаемый «хвостом», пошучивал, улыбаясь, как-то свободно сегодня решая вопросы, ставившие других в тупик.

– Этот больной после ссоры оглох. Специалисты отоларингологи не находят никаких изменений в слуховом аппарате. Полагали, что глухота истерическая, но... – докладывала Бехтереву, деловито вскинув остренький подбородок, Раиса Яковлевна Голант.

– Хм! – хлопнул в ладоши над самым ухом больного: никакой реакции. – Впрочем... – Жестом показал больному раздеться по пояс. Написал на листке бумаги: «Я проведу пальцем или бумажкой по вашей спине, а вы мне ответите – чем?» И тут же, проведя пальцем, одновременно прошелестел бумажкой.

– Бумажкой, – быстро сказал больной.

– Вы здоровы, уже слышите! Вас можно выписывать.

– Спасибо, – тихо согласился больной. Бехтерев сказал врачам, сопровождавшим его:

– Симуляция вульгарис.

– ...Этого больного к нам перевели из Максимилиановской, – продолжала Голант. – Правосторонний паралич. Больной страдает пороком сердца. Предполагали эмболию сосудов. Лечение в течение двух месяцев не дало никакого улучшения. Вот решили посоветоваться с вами...

Бехтерев тщательно осмотрел больного и, прикладывая трубку к черепу, стал выслушивать его. Подзывал всех по очереди:

– Слышите? Это и есть то, что называется «шум волчка». Предполагаю аневризму. Она давит на двигательную область левого полушария. Больного надо немедленно оперировать.

Обход продолжался.

– Афазия... Инженер по профессии, поступивший к нам уже с полной потерей речи. Однако может объясниться письменно или с помощью специального словаря. Слух не нарушен.

Бехтерев помолчал, откашлялся. Наконец склонился к больному, взялся за пуговицу его халата:

– Скажите, уважаемый... а сколько будет два плюс два?

Больной смутился, пожал недоуменно плечами, жалко наморщил лоб. Бехтерев вздохнул:

– По-видимому, поражена передняя часть центра Брока, анатомически связанная с центром счета... – и, отойдя от больного, сказал: – Симптоматическое лечение. Бромиды. Физиотерапия. Покой! – и развел руки, подчеркивая бессилие медицины.

А к этой шуплой, шустрой старушонке, которая поднялась, улыбаясь, при входе академика в палату, Бехтерев подошел сам:

– Ну как, бабуся, лучше?

– Лучше, соколик, лучше.

– Ну вот. Прекрасно. Поезжайте к своему старику. И все будет хорошо. Я еще на вашу золотую свадьбу приду».

Им искренно восхищались. Коллеги Бехтерева не в шутку говорили, что анатомию мозга знают только двое – Господь Бог и Бехтерев.

Этапы его «большого пути» поражали воображение. Владимир Бехтерев был гением. Он первым в мире создал новое научное направление – психоневрологию и всю жизнь посвятил изучению человеческой личности. Именно для этого он основал 33 института, 29 научных журналов. Школу Бехтерева прошли более 5000 учеников. Начав с изучения физиологии головного мозга, он перешел к изучению его работы в различных режимах и отражение их на физиологии.

Серьезно изучал гипноз, и даже ввел его медицинскую практику в России.

Первым сформировал законы социальной психологии, разработал вопросы развития личности.

Своей титанической работой он доказал: одному человеку под силу сделать многое, если он идет к большой цели. И на пути к цели приобретает массу званий и знаний. Бехтерев – профессор, академик, психиатр, невропатолог, психолог, физиолог, морфолог, гипнотизер и философ.

Родился гений 1 февраля 1857 года в селе Сорали Вятской губернии в семье станового пристава. В девятилетнем возрасте остался без отца, и семья из пяти человек – мать и четверо сыновей – испытывала большие материальные трудности.

В 1878 году окончил Медико-хирургическую академию. С 1885 года был заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета, где впервые создал психофизиологическую лабораторию и основал журнал «Неврологический вестник» и Казанское общество невропатологов и психиатров.

С 1893 года работал в Петербурге, занимал пост профессора Военно-медицинской академии. С 1897 года – профессор Женского медицинского института.

В 1908 году стал директором организованного им Психоневрологического института.

В 1918 году возглавил созданный по его инициативе Институт по изучению мозга и психической деятельности (позже – Государственный рефлексологический институт по изучению мозга, получивший его имя).

В 1927 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Как ученого его всегда интересовал человек – его психика и мозг. По словам специалистов, он исследовал личность на основе комплексного изучения мозга физиологическими, анатомическими и психологическими методами, позже – через попытку создания комплексной науки о человеке и обществе (получившей название рефлексологии).

Крупнейшим вкладом в науку стали работы Бехтерева в области морфологии мозга.

Почти 20 лет он посвятил изучению полового воспитания и поведения ребенка раннего возраста.

Всю жизнь исследовал силу гипнотического внушения, в том числе и при алкоголизме. Разрабатывал теорию внушения.

Он впервые выделил ряд характерных рефлексов, симптомов и синдромов, важных для диагностики нервно-психических болезней. Описал ряд болезней и методы их лечения. Кроме

диссертации «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний», Бехтереву принадлежат многочисленные работы, которые посвящены описанию малоисследованных патологических процессов нервной системы и отдельным случаям нервных заболеваний. Например, он изучал и лечил многие психические расстройства и синдромы: боязнь покраснеть, боязнь опоздать, навязчивую ревность, навязчивую улыбку, боязнь чужого взгляда, боязнь полового бессилия, одержимость гадами (рептилофрению) и другие.

Оценивая значение психологии для решения фундаментальных проблем психиатрии, Бехтерев не забывал, что и психиатрия как клиническая дисциплина в свою очередь обогащает психологию, ставит перед ней новые проблемы и решает некоторые сложные вопросы психологии. Это взаимообогащение психологии и психиатрии Бехтерев понимал следующим образом: «...получив толчок в своем развитии, психиатрия как наука, занимающаяся болезненными расстройствами душевной деятельности, оказала огромные услуги психологии. Новейшие успехи психиатрии, обязанные в значительной степени клиническому изучению психических расстройств у постели больного, послужили основой особого отдела знаний, известного под названием патологической психологии, которая уже привела к разрешению весьма многих психологических проблем и от которой, без сомнения, еще большего в этом отношении можно ожидать в будущем».

Смерть его до сих пор вызывает недоумение. Умер он внезапно 24 декабря 1927 года в Москве, спустя несколько часов после того, как он отравился как будто бы некачественной едой: то ли консервами, то ли бутербродами. Причем это отравление произошло как будто бы после очень знаменательного события: после консультации, которую он дал Сталину. Но прямых свидетельств, что одно событие связано с другим, до сих пор нет. Между тем в умах многих людей они накрепко соединились друг с другом и держатся уже не одно поколение.

Вот что рассказывал профессор, заведующий кафедрой психиатрии Военно-медицинской академии в Ленинграде – С.-Петербурге (прежде ею много лет руководил В. М. Бехтерев) Анатолий Портнов в своем интервью газете «Социалистическая индустрия» (1989, 28 апр.):

«...Я помню статью О. Мороза «Последний диагноз» в «Литературной газете» от 28 сентября 1988 года, где утверждается, будто Бехтерев в присутствии нескольких людей назвал Сталина «сухоруким параноиком»... Итак, высказана версия, что Бехтерев обследовал Сталина, поставил ему диагноз «паранойя», рассказал об этом в кулуарах съезда психиатров и невропатологов в декабре 1927 года. Это якобы стало причиной гибели академика. Откуда ни возьмись появились неизвестные личности в штатском, которые повели его в буфет и накормили подозрительными бутербродами. В результате у Владимира Михайловича возникло острое пищевое отравление и вскоре он скончался.

Этот детективный сюжет кажется мне неправдоподобным – так не травят. Что касается легендарной фразы, то Бехтерев, уверен, не мог ее сказать. И вовсе не потому, что испугался бы расправы. Владимир Михайлович действительно был очень смелым человеком и говорил нелестные вещи невзирая на лица, – об этом справедливо пишут авторы версии.

Но они почему-то умалчивают, что он был еще и человеком высочайшей культуры, который не позволял себе оскорблять людей, тем более – за глаза.

Сухорукий параноик... Так сказать о пациенте не может даже начинающий психиатр. А Бехтерев был крупнейшим специалистом, признанным во всем мире. Он отличался исключительным тактом, деликатностью, тонкостью в отношениях с людьми, призывал коллег соблюдать врачебную тайну, щадить самолюбие больных.

Если бы Бехтерев и поставил Сталину диагноз, то никогда не стал бы говорить об этом в кулуарах, да еще в оскорбительных выражениях. Я убежден, что их приписывают ученому люди, которые не знают его образа мыслей, нравственной позиции.

Имя Бехтерева на несколько десятилетий было предано забвению, сейчас о нем заговорили вновь. И нет у нас права – вольно или невольно – бросать на него тень, тем более не располагая убедительными доказательствами.

... Что же касается психического здоровья Сталина, то я окажусь весьма неоригинальным, сказав, что параноиком он не был. Весь его психический склад не соответствует тому, что бывает при этом заболевании... В частности, параноик вообще не способен на двуличие – Сталин сохранял его десятки лет».

Однако странные обстоятельства болезни – развитие ее в течение суток, непрофессионализм проведенного лечения, – а также особенности патологоанатомического вскрытия (был извлечен и исследован только мозг), поспешная кремация тела в Москве и последующее в течение 30 лет забвение ученого – все это наводит на мысль о насильственном характере смерти.

Урна с прахом Владимира Бехтерева похоронена на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. А его гениальный мозг хранится в Институте мозга.

Сын Бехтерева Петр – талантливый инженер и изобретатель – был репрессирован и пропал в сталинском ГУЛАГе. Внучка Бехтерева Наталья Петровна как «дочь врага народа» с сестрой и братом оказалась в детском доме. В дальнейшем она окончила ЛМИ им. И. П. Павлова, стала академиком. С 1986 года возглавляла Институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге.

Про гипноз

...Что же такое гипнотическое состояние? Известно, что Шарко рассматривал его как особое нервное состояние, подобное истерии, Бернгейм – как внушенный сон, некоторые признавали его за особую эмоцию или душевное волнение (аффект), а я признавал правильным рассматривать его как особое видоизменение естественного сна.

Мнение Шарко, признававшего в гипнозе особое нервное состояние, подобное истерии, ныне совершенно оставлено, с тех пор как опыты показали, что гипнозу в той или иной степени поддается большинство людей, если не все. Признать же всех истеричными, очевидно, нельзя. Этой теории нанесен окончательный удар, когда выяснилась необходимость признать гипноз и у животных за явление, совершенно аналогичное и родственное человеческому гипнозу.

...Среди моих пациентов был один крестьянин-инородец из новобранцев, не понимавший русского языка, который страдал спинномозговым порезом, или неполным параличом, и которого я исследовал в отношении рефлексов, получаемых с большеберцовой кости. Для этой цели я должен был многократно молча поколачивать по передней поверхности берцовой кости. Не прошло и пяти минут, как я заметил, что мой испытуемый заснул. Предположив, что дело идет о гипнозе, я сделал, в целях испытания, внушение запахов и разных вкусовых веществ, и оказалось, что внушенные галлюцинации удавались полностью. Этот факт заставил признать, что дело шло в данном случае не об обыкновенном сне, а о гипнозе; между тем данный крестьянин-инородец внушению вовсе не подвергался и даже не понимал русского языка. Ясно, что и здесь дело шло о воздействиях механического характера, приведших к гипнозу при отсутствии внушения.

Я имел также случай, когда под влиянием простого внушения удавалось вызвать у одной из женщин гипноз умеренной степени, тогда как сильное освещение зеркалом без всякого внушения вводило ее в столь глубокое гипнотическое состояние с характером летаргии, что вывести ее из гипноза можно было не иначе как путем сильного механического расталкивания с окриком или путем применения сильного форадического тока, тогда как внушение проснуться, даже повторяемое с настойчивостью, оставалось безуспешным...

Эти и подобные им факты не оставляют сомнения в том, что гипноз вызывается не одним внушением и что физические воздействия оказываются иногда более действенными, чем словесное воздействие в форме внушения.

К такому же заключению приводит и тот факт, что дети в младенческом возрасте легко усыпляются путем методического поглаживания или легкого похлопывания по спине и монотонного напева колыбельной песни, тогда как словесное внушение здесь не играет роли.

Наконец, в настоящее время, как мы уже говорили, установлено, что гипноз животных является совершенно аналогичным гипнозу у людей, а у животных о словесном внушении не может быть и речи.

С другой стороны, нельзя признать безоговорочно и то сближение гипноза и сна, достигающее почти до отождествления, которое делает Бернгейм. Гипноз и сон при известных чертах сходства имеют и существенные отличия. Так, с гипнотиком можно говорить и получать от него ответы; далее, во время гипноза наблюдается повышенная внушаемость, каковой не бывает в обыкновенном сне: загипнотизированного можно заставить путем внушения автоматически ходить, выполнять те или другие действия и т. п. Это и послужило для меня в свое время основанием к тому, чтобы признать гипноз не за сон, хотя бы и внушенный, а за своеобразное видоизменение сна, точнее – родственное сну состояние.

К сказанному следует добавить, что гипноз отличается от обыкновенного сна еще одною особенностью, так наз. раппортом. В глубоком гипнозе между гипнотизируемым и гипнотизатором устанавливаются особые отношения: первый слышит только слова второго, подчиняется

ему во всем, исполняет его внушения беспрекословно, тогда как на воздействия сторонних лиц он совершенно не реагирует.

Посмотрим теперь, на чем основывается эмоциональная теория гипноза. Она опирается на тот факт, что при некоторых эмоциях утрачивается способность воспроизводить пережитое во время сильной эмоции и вместе с тем во время переживаемой эмоции обнаруживается повышенная внушаемость. Эти обе черты, как известно, наблюдаются и в гипнозе. Но при сходстве в указанном отношении все же гипноз не подойдет ни под одну из известных нам эмоций, а чтобы признавать его особой эмоцией, следовало бы указать его биологическую природу, ибо так наз. эмоции, или, выражаясь объективно, мимико-соматические состояния, вырабатываются в жизненных условиях как определенные реакции при тех или иных внешних условиях. Испуг при внезапном внешнем воздействии, страх при опасности, стыд как защитный рефлекс против посягательств на половую сферу, ревность как опасение утраты полового объекта и т. п. – все это мимико-соматические состояния, выработавшиеся как целесообразные рефлексy при соответственных условиях.

Какую же эмоцию или какое мимико-соматическое состояние представляет собою гипноз как родственное сну состояние?

Если гипноз, как мы знаем, наблюдается и у животных, то вполне естественно, что корни его происхождения находятся глубоко в органическом мире. И действительно, в целом ряде животных, от низших до высших, мы наблюдаем особые состояния «оцепенения», или явления так наз. мнимой смерти, которые у тех же животных могут быть вызываемы и искусственно. Когда жучок или паук ползет по бумаге, достаточно легкого удара по столу или по листу бумаги, чтобы он мгновенно и на долгое время сделался неподвижным, иначе говоря, замер в оцепенелом состоянии. Если, захватив змею за хвост, мы быстро встряхнем ее в воздухе, то увидим, как она мгновенно оцепенеет и становится твердой, как палка. Быть может, этим объясняется древнее «чудо», когда в руках Моисея, открывшего источник воды, жезл превратился в змею. Птичка под пристальным взглядом неожиданно появившейся змеи цепенеет и становится ее жертвой, хотя, казалось бы, легко могла улететь и тем избежать гибели. Крупный африканский грызун капибара, несмотря на то что обладает быстрым бегом, точно таким же путем попадает в пасть змеи. Аналогичные примеры оцепенения представляют и более высшие позвоночные, до обезьян включительно. В условиях культурной жизни человека такие явления наблюдаются сравнительно редко, но и здесь мы знаем случаи «остолбенения» или «оцепенения» при внезапно возникающих внешних раздражениях, как, напр., при пожарах и землетрясениях. Вспомним библейское сказание о Сарре, превратившейся при виде гибели Содома и Гоморры в «соляной» столб. (Название «соляной» здесь употреблено, конечно, в качестве сравнения.)

Спрашивается: каков биологический смысл этих явлений, характеризующихся внезапной скованностью движений? Наблюдения показывают, что они развиваются при внезапном появлении опасности. Но какой же смысл этих реакций и каким образом господствующий в природе естественный отбор мог удержать такое явление? Из вышеизложенного ясно, что во всем животном мире, до человека включительно, мы имеем общий тормозной рефлекс, развивающийся при условиях внезапных раздражений, поражающих мимико-соматическую сферу. Хотя этот рефлекс приводит в отдельных случаях к гибели индивида, в общем, однако, он является защитным, а следовательно, и полезным. Полезность этого тормозного рефлекса видна из того, что состояние оцепенелости является для большинства случаев в полной мере спасительным средством для животного.

Жучок, принимая неподвижное положение, становится менее заметным как цель для хищников. Известны опыты, что даже птенцы легко схватывают ползущую гусеницу, тогда как спокойно лежащую гусеницу они оставляют в покое. И сама птичка в минуту опасности спа-

сается путем неподвижного положения или состояния оцепенения от хищников. То же самое следует иметь в виду и по отношению к высшим позвоночным.

Если в отдельных случаях развитие этого рефлекса оказывается губительным для индивида, то нельзя упускать из виду, что то же мы наблюдаем и во всех вообще прирожденных рефлексах. Они оказываются целесообразными для огромного большинства случаев и могут оказаться как раз нецелесообразными и даже вредными в отдельных случаях. Примером может служить хотя бы мигательный рефлекс: будучи крайне полезен для глаз вообще, так как с помощью его частицы пыли удаляются со слизистых оболочек к внутреннему углу глаза, тот же рефлекс может оказаться и крайне вредным, если какой-либо острый предмет попадет под верхнее веко, ибо при мигании в этом случае возможно тяжелое повреждение роговицы глаза.

Полезность общего тормозного рефлекса с характером оцепенения использована в природе еще и в другом отношении, в интересах воспроизведения потомства, когда самка животных при условиях спаривания должна быть неподвижным существом. Это мы видим на земноводных и даже у птиц. Домашняя курица, на которую вскочил петух, захватив ее клювом за загривок, внезапно оцепеневаает, останавливаясь как вкопанная, и остается без малейшего движения в момент спаривания. Оцепенелость, связанная с появлением внезапных сильных раздражений того или иного рода, может обнаруживаться и под влиянием слабых и монотонных и вообще однообразных раздражителей. Примером может служить известное завораживание змей звуками флейты, укрощение зверей пристальным взглядом и т. п.

Указанное состояние оцепенелости, наблюдаемое в природе, и есть прообраз гипнотического состояния, которое мы изучаем в лабораториях и клиниках. **И то, что мы называем гипнозом, является лишь искусственным воспроизведением общего тормозного рефлекса в виде снопоподобной оцепенелости в той или иной степени.**

Для вызывания гипнотического состояния у животных могут быть применяемы разные искусственные приемы, с которыми мы отчасти уже познакомились. Ящерицу, обладающую необычайной бойкостью движений, можно ввести в гипноз с помощью легкого поглаживания по грудке, предварительно закрыв ей глаза. Животное после этого оцепеневаает, и ему можно придать, как и лягушке в гипнозе, любое положение, которое оно сохраняет долгое время. Известен старинный (еще с XVI столетия) эффектный опыт Kircher'a над куриными. Если петуха или курицу предварительно успокоить и затем осторожно, пригнув туловище его к доске, провести от головы линию мелом впереди клюва, то птица останется в оцепенелом состоянии со взором, устремленным вдоль проведенной линии. По личному опыту могу сказать, что всякую птицу, даже из певчих, можно загипнотизировать. Для этой цели достаточно, взявши в руки птицу, ее успокоить и, повернув брюшком вверх, поместить на краю стола, оставив голову в свешенном положении за краем стола; затем стоит легонько почесать пальцем шейку птицы, как она со сложенными лапками и крыльями на долгое время останется в неподвижном положении, без всякого движения, причем можно осторожно вытянуть ей лапку, приподнять крыло и даже осторожно воткнуть иглу в ее тело, и она остается без движения.

Наконец, искусственный гипноз может быть вызываем особыми приемами и у млекопитающих. Между прочим, Mangold предложил особый прибор, который мгновенно гипнотизирует животных, таких, напр., как кролик. Прибор необычайно прост и состоит в том, что животное ставится в станок, причем спина его упирается в крышу прибора. Затем с помощью особых лямок животное привязывается к крыше прибора под мышки и за ляжки, после чего при посредстве особого ворота крыша мгновенно поворачивается на полукруг (180 °), и животное благодаря этому оказывается мгновенно лежащим на крыше прибора лапами кверху. Этого маневра достаточно, чтобы животное оказалось в гипнотическом состоянии. Очевидно, что в данном случае особую роль играет внезапное раздражение полукружных каналов уха как статического органа, поддерживающего равновесие тела, вследствие быстрого смещения

содержащейся в них эндолимфы, как, по-видимому, дело обстоит и в случае быстрого сотрясения змеи за хвост.

Что касается человека, то у него мы получаем искусственное состояние оцепенелости или гипноза как с помощью физических приемов, например пассов, так наз. магнетического взгляда или длительных монотонных звуков и т. п., также и с помощью словесного внушения. Последнее имеет место потому, что у человека как существа социального слово как символ играет особо важную роль, замещая собою другие конкретные, т. е. физические, раздражители. Можно даже определенно сказать, что словесные раздражители в человеческом обществе играют гораздо более важную роль, нежели те или иные физические раздражители.

Для вызывания гипноза у человека я пользуюсь обыкновенно комбинированным раздражением, и физическим и словесным одновременно. С этой целью данное лицо усаживается в кресло, ему предлагается смотреть на блестящий кончик врачебного молоточка, после чего тотчас же начинается внушение о приближении сна, о расположении ко сну, о наступлении самого сна и т. д. Обыкновенно эта процедура длится не более одной-двух минут, чтобы с последним словом «засыпайте» человек впал в состояние гипноза той или другой степени, что зависит от индивидуальных условий гипнотизируемого лица.

Таким образом, мы приходим к выводу, что гипноз не является ни болезненным нервным состоянием наподобие истерии, как учил Шарко, ни искусственно вызванным сном или внушенным сном, как учил Бернгейм и как многие его до сих пор понимают, а представляет особое биологическое состояние в виде сноподобного оцепенения как общего тормозного рефлекса, наблюдаемого у различных видов животных, не исключая и человека. Это-то состояние может быть воспроизведено то в большей, то в меньшей мере искусственным путем, с помощью физических мер у самых различных видов животных, а у человека еще и путем словесных воздействий.

Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе

Как известно, при изучении гипноза немало труда было затрачено на исследование объективных признаков гипнотического состояния. Но помимо вопроса об объективных признаках самого гипнотического состояния немаловажное практическое значение имеет и вопрос о тех объективных признаках, которыми выражается осуществленное в гипнозе внушение. Всякому понятно, что даже в слабых степенях гипноза, когда гипнотизируемый субъект подчинен гипнотизатору, первый из чувства послушания подтверждает все делаемые гипнотизатором внушения, как будто бы они осуществлялись на самом деле, тогда как в действительности это осуществление остается лишь в воображении гипнотизируемого лица или оно осуществляется лишь в слабой мере или даже и вовсе не осуществляется.

Допустим, что мы внушаем анестезию. Загипнотизированный убежден, что анестезия наступила, и даже при исследовании на уколы он утверждает, что не испытывает боли, тогда как по гримасам лица, особенно при неожиданном уколе, нетрудно убедиться, что анестезия на самом деле не наступила или она выражена слабо. При соответствующих расспросах, конечно, не откажется подтвердить это и гипнотизируемый. То же самое может произойти и с другими внушениями, напр. с внушением гиперестезии, галлюцинаций, изменений настроения и т. п.

Ввиду этого и представляет особую важность изучение объективных признаков действовавшего внушения, тем более что несомненное присутствие этих признаков, свидетельствуя об осуществлении внушения, говорит вместе с тем и о значительной внушаемости гипнотизируемого.

Между тем, если вопрос об объективных признаках самого гипноза имеет уже за собой известный ряд научных наблюдений, вопрос об объективных признаках реализации самих внушений представляется еще крайне мало разработанным, и по нему имеются лишь крайне скудные литературные указания.

Само собою разумеется, что в таких случаях, когда под влиянием внушения в гипнозе происходят изменения сердечной деятельности, остановка кровотечений и даже воспалительные явления на кожной поверхности, не представляется никакой надобности в каких-либо особых приемах для доказательства реального осуществления произведенных внушений. Но совсем иначе дело обстоит, когда мы внушаем галлюцинации, гиперестезию или анестезию, слепоту и т. п.

Здесь, без сомнения, нужны особые приемы для отыскания объективных признаков, убеждающих в том, что внушение осуществилось полностью, т. е. что произошла действительно гиперестезия или анестезия, слепота и т. п., а не имеются эти явления только в воображении лица, подвергнувшегося внушению.

Сравнительная скудость имеющихся литературных данных по занимающему нас вопросу и вынуждает обратить на него особое внимание.

Мои исследования по занимающему нас вопросу начались еще в начале девяностых годов и были опубликованы впервые в сообщении, сделанном в Казанском обществе невропатологов и психиатров в 1893 году, и затем опубликованы в моих «Нервных болезнях в отдельных наблюдениях» (Казань, 1894).

С тех пор наблюдения мои в этом направлении продолжались с разными перерывами до последнего времени, причем в позднейший период по моему предложению были произведены также исследования над влиянием внушенных в гипнозе эмоций на пульс и дыхание д-ром Лазурским. Кроме того, совместно с д-ром Нарбутом была опубликована мною работа под заглавием «Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе».

Наконец, в последнее время было произведено в нашей лаборатории систематическое исследование д-ра Срезневского над внушенными в гипнозе цветами.

До опубликования моих первоначальных исследований в литературе имелись интересные исследования, относящиеся к тому же предмету, Binet и Fere, из которых особенного внимания заслуживает состояние зрачков при внушении летящей птицы. Оказывается, что если заставить гипнотика смотреть на приближающуюся к нему летящую птицу, то вместе с конвергенцией глаз происходит постепенное сужение зрачка.

Со своей стороны я проделал над одной из больных, подвергавшейся гипнозу, следующий опыт, который, на мой взгляд, представляется еще проще, нежели опыт Binet и Fere. Загипнотизировав одну особу и заставив ее открыть глаза в гипнозе, я внушил ей, что она видит вдали от себя светлую точку, и просил ее пристально всматриваться в эту точку. Затем я внушаю больной, что эта точка медленно приближается к ней и, наконец, находится непосредственно перед ее глазами. При этом можно было убедиться, что по мере кажущегося приближения светлой точки к глазам больной они постепенно сводились внутрь и вместе с тем зрачки их постепенно суживались. Наконец, при внушении, что светящаяся точка находится совсем близко, перед глазами, гипнотизируемая заявляет, что ей смотреть больно, причем можно было убедиться, что глаза ее в этот момент резко скашивались внутрь.

С тех пор как было сделано мною это наблюдение, я повторял тот же опыт и на других гипнотиках с одинаковым успехом. Где этот опыт не удавался, там, наверное, не было и соответствующей галлюцинации в настоящем смысле слова.

Moll считает опыт Binet и Fere одним из ценных объективных признаков последовавшего внушения, и нельзя отрицать, что он представляется легко демонстрируемым. Но все же я полагаю, что как этот, так и приведенный нами опыт со светящейся точкой не могут быть признаны вполне безупречными для отличия симуляции от действительного внушения, так как конвергенция глаз может достигаться и произвольным путем, сужение же зрачков есть явление, сопутствующее конвергенции.

Таким образом, достаточно, чтобы гипнотик, не видя никакой птицы или светящейся точки, только вообразил движущийся к себе предмет, чтобы получились в отношении глаз и зрачков все те явления, которые наблюдаются и при действительном видении.

Гораздо убедительнее как объективный признак осуществленного внушения представляется, на мой взгляд, следующий опыт, который мной был сделан около того же времени, как и вышеприведенный. В глубоком гипнозе дается внушение, что будут производиться сильнейшие уколы булавки, от которых будет чувствоваться резкая и продолжительная боль. Между тем на самом деле производится надавливание тупым концом булавки на подбородок или другую часть лица при одновременном внушении, что при этом испытывается сильная боль. В результате получается искривление лица, как от боли, иногда даже прилив крови к лицу и ясная болевая реакция зрачков, выражающаяся их расширением.

Равным образом мной были сделаны аналогичные опыты со специальной и общей анестезией. После предварительного исследования зрения исследуемой в гипнозе было внушено, что она совершенно слепа на левый глаз.

Затем специальное исследование с аппаратом Снеллена, предназначенным для раскрытия лиц, симулирующих слепоту, показало, что у погруженной в гипноз обнаруживалась действительная слепота на левый глаз.

Равным образом и исследование с помощью стереоскопического слияния фигур не оставляло никакого сомнения в том, что исследуемая была действительно слепа, а не воображала себя только слепой. Казалось даже, что зрачковая реакция на левый глаз была несколько слабее, чем на правый; но этот факт можно было отнести на недостаток аккомодации вследствие отсутствия зрения.

Другой опыт, который мне удалось сделать над той же особой, состоял в том, что ей была внушена полная слепота к красному цвету не только во время гипноза, но и по пробуждении от него. Затем, когда по пробуждении ей было предложено смотреть в течение известного времени через красное стекло на пламя свечи, она, конечно, не видела красного пламени, а обыкновенный цвет пламени, только несколько бледнее. Затем, когда зрение ее было достаточно утомлено, ей предложено было перевести взор на светлый потолок, на котором она тотчас же увидела сероватое, а не цветное зеленоватое изображение пламени, как должно бы быть по принципу дополнительных цветов при смотрении на красное пламя.

Таким образом, в отсутствие последовательного дополнительного цвета после смотрения при внушенной цветной слепоте на соответственные цветные предметы мы получаем новый контрольный признак осуществления внушения в виде настоящей цветной, а не воображаемой только слепоты.

В наблюдениях, произведенных у нас над внушенными цветами в гипнозе д-ром Срезневским, оказалось, что после фиксирования внушенной цветной иллюзии получается последовательное цветное пятно, которое в большинстве случаев является вторичной иллюзией подобного же рода, как и первоначальная; в немногих же случаях обнаруживались явления цветной индукции под влиянием внушенной иллюзии, а в одном случае даже удавалось наблюдать в последовательном изображении явление цветных фаз и цветных контрастов. Последние явления также заслуживают известного внимания с точки зрения объективных признаков внушенных явлений.

Далее и для внушенной анестезии могут быть отысканы объективные признаки в реакции зрачка и других органических функций на болевые раздражения. Так, внушив аналгезию на одной половине тела, я убедился, что даже сильные раздражения в области внушенной аналгезии не вызывали болевой реакции зрачка, тогда как последнюю нетрудно было обнаружить при уколах в областях тела с нормальной чувствительностью.

Эти наблюдения над отсутствием болевой реакции зрачков при внушенной аналгезии были впоследствии проверены мной совместно с Нарбутом на других лицах, подвергавшихся гипнозу, и в общем дали те же самые результаты. Болевые раздражения в области внушенной аналгезии не давали реакции зрачка на свет в тех случаях, где анестезия была полная.

С другой стороны, мы исследовали также влияние раздражений в области внушенной анестезии и внушенной гиперестезии на пульс и дыхание; при этом дыхание и пульс записывались до гипноза, в гипнозе после сделанного внушения, но без раздражения, затем в гипнозе же во время или после раздражения и, наконец, после пробуждения от гипноза. Источником раздражения в этих опытах служил индукционный аппарат с катушкой Dubois Reymond'a; самое же раздражение производилось при посредстве электрода проф. Чирьева, представляющего собою плоскость с рядом окончаний проволок, разделенных друг от друга каучуком. Как области раздражения, так и сила его во всех случаях были одними и теми же. Контроля ради в отдельных случаях внушенной гиперестезии прикладывался электрод к кожной поверхности и пускался индукционный аппарат при незаметно для гипнотизируемого разомкнутой цепи.

Результаты сделанных опытов дали в общем следующее.

В отдельных случаях, где внушенная анестезия оказывалась более или менее полной, болевое раздражение в области внушенной анестезии почти не сопровождалось изменениями в отношении дыхательного ритма и в системе кровообращения или же эти изменения представлялись в общем крайне слабо выраженными.

В других случаях, с менее выраженной внушенной анестезией, реакция при болевых раздражениях обнаруживалась значительно слабее, нежели в бодрственном состоянии. При внушении гиперестезии, наоборот, вместе с болевыми раздражениями обнаруживались резкие

изменения как в пульсе, так и в дыхании. При неглубоком же гипнозе, когда внушение анестезии и гиперестезии не достигало цели, и результаты оказывались неопределенными.

Таким образом, и эти наблюдения приводят к выводу, что у лиц, находящихся в глубоких степенях гипноза, внушенная анестезия и гиперестезия есть несомненный и реальный факт, а не продукт их воображения, подобно тому как анестезия и гиперестезия истеричных есть действительная, а не воображаемая только анестезия и гиперестезия.

Должно, однако, заметить, что такие явления, как внушенные галлюцинации, внушенные анестезии и гиперестезии, обычно удаются при более глубоких степенях гипноза; при более же слабых гипнотических состояниях эти явления редко удаются в такой полноте, а потому и вышеуказанные признаки не могут оказать в этих случаях существенной пользы для выяснения последовавшего внушения. Но настроения и эмоции, по моим наблюдениям, легко внушаются даже и при сравнительно слабых степенях гипноза. Вот почему имеет существенное значение вопрос, какие имеются объективные признаки внушенных в гипнозе эмоций и настроения.

В этом отношении я уже давно отметил тот факт, что под влиянием внушения в гипнозе той или другой эмоции или настроения соответственным образом изменяются как ритм дыхания, так и пульсовые волны и ритм сердцебиения. Соответственные кривые мною ежегодно демонстрируются на лекциях о гипнозе, читаемых студентам Военно-медицинской академии вот уже в течение более 10 лет.

Затем предмет этот был предложен к специальной разработке занимавшемуся в нашей психологической лаборатории д-ру Лазурскому, причем его систематические исследования в этом отношении дали в общем те же результаты, как и наши исследования.

Подобно мне, он убедился, что в гипнозе всякое внушенное чувство сопровождается резкими изменениями пульса и дыхания. Особенно сильное влияние обнаруживали в этом отношении страх, гнев и угнетающие аффекты; между тем влияние радости обнаруживалось в значительно менее резкой степени. Почти во всех случаях обнаруживалось как более или менее значительное учащение пульса, так и изменение пульсовой кривой. Изменение дыхания при радости выражалось учащением дыхания и уменьшением его амплитуды, иногда же, как при испуге и гнев, наблюдались неправильные и неравномерные дыхательные движения, представлявшиеся то более глубокими, то более поверхностными.

Наконец, существенно важным объективным признаком осуществления внушений, касающихся различного рода эмоций и настроений, а также внушенных ощущений или галлюцинаций приятного и неприятного свойства является соответственное изменение мимики лица. Этот признак, которым я постоянно пользуюсь на своих лекциях о гипнозе для доказательства реального осуществления внушенных состояний, представляется очень ценным ввиду его необычайной наглядности. **Если мы будем внушать гипнотику, что он испытывает страх или радость, что ему дают кислое или горькое питье, что он внюхивает приятный или зловонный запах, то мы увидим в случае реализации этих внушений, что соответственно делаемым внушениям мимика его лица будет изменяться.**

Особенно эффектно это изменение мимики происходит у лиц, обладающих подвижной физиономией; у лиц же с менее развитой мимикой изменение ее все же с ясностью может быть обнаружено по отношению к неприятным ощущениям (напр., вкусовым, обонятельным), а также по отношению к тягостным душевным аффектам, при внушении которых вообще у всех лиц обнаруживается гораздо более резкое изменение мимики, нежели при аффектах и ощущениях приятного свойства.

...Симуляция и бессознательное внушение – вот два главных подводных рифа, которых следует избегать при изучении факторов внушения, говорят Бине и Фере в своей монографии о животном магнетизме. Насколько трудно иметь точные измерения психического состояния гипнотика – распространяться не приходится; отличить действительность испытываемого им внушенного настроения по его психическим проявлениям от продукта деятельности его соб-

ственного воображения нередко является задачей совершенно неразрешимой. Поэтому целым рядом наблюдателей было обращено внимание на вопрос, не оказывают ли внушения, производимые в гипнозе, то или иное влияние на соматические функции организма, которые можно было бы подвергнуть более или менее точному обследованию. Вопрос этот настолько заманчив и настолько важен в судебно-медицинском отношении, что на разрешение его было затрачено немало труда со стороны ученых. Литература в этом отношении обладает многими ценными работами.

Еще Braid в 50-х годах при помощи довольно точных измерений указал на то, что у **загипнотизированных лиц слух бывает в 12 раз чувствительнее, чем в нормальном состоянии**, аналогичные наблюдения сделаны были им и в области чувства обоняния и осязания. Braid, между прочим, наблюдал, что загипнотизированный может чувствовать и следить за движениями стеклянной воронки, колеблемой в воздухе на расстоянии 15 футов. **Вследствие крайней чувствительности кожи во время гипнотического состояния субъекты могут ходить по комнате, не наталкиваясь на окружающие предметы.** По мнению Braid'a, они руководствуются при этом теплопроводностью предметов и сопротивлением воздуха.

В конце 70-х годов благодаря исследованиям Charcot и его учеников вопрос об объективных признаках гипноза был впервые обследован в возможной полноте. Результатом этих исследований явилось, как известно, подразделение гипнотического сна на три фазы: летаргическую, каталептическую и сомнамбулическую – с присущими каждой из них особыми, ей только свойственными объективными признаками гипнотического состояния. Не останавливаясь на описании этих объективных признаков, так как они всем хорошо известны, считаем необходимым только отметить, что уже вскоре, при проверке их Bernheim'ом и его учениками, все построение гипноза в виде трех упомянутых фаз с их объективными признаками было поколеблено и на первый план была выдвинута *степень восприимчивости к внушению...*

О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями

Не очень давно я напечатал клиническую лекцию, в которой изложил применяемый мною способ лечения навязчивых идей самовнушениями в начальных периодах гипноза и привел тяжелый случай навязчивых идей, кончившийся выздоровлением благодаря применению только что сказанного лечения. Между прочим, в этой лекции я упомянул, что «в течение нескольких последних лет в моем курсе психиатрии при изложении учения о навязчивых идеях я всегда обращал внимание слушателей, между прочим, и на применение послегипнотических внушений с целью лечения навязчивых идей».

В то время, когда я писал эти слова, мне еще не удалось провести на практике лечение навязчивых идей послегипнотическими внушениями, так как у наблюдавшихся мною больных с навязчивыми идеями хотя и могли быть вызываемы самые начальные явления гипноза, но ни один из больных не мог быть приведен в более глубокие степени последнего, в которых, как известно, лучше всего удаются послегипнотические внушения.

...Так как собирание подходящего материала в указанном направлении продолжается мною и по сие время, то я пока и не имею в виду приводить здесь все случаи навязчивых идей, пользовавшиеся мною гипнотическими внушениями, и ограничусь лишь одним наблюдением, которое прекрасно поясняет целебное значение гипнотических внушений по отношению к навязчивым идеям.

К., замужняя, 40 лет, дочь очень нервной матери и отца, злоупотреблявшего спиртными напитками. Две сестры ее отличались нервностью. Сама больная в молодости была нервной и в девичьих страдала бледною немочью. Года 4 спустя после выхода замуж, т. е. лет 18 тому назад, у нее впервые обнаружились припадки большой истерии, бывшие, впрочем, всего раза два или три. Но с тех пор время от времени случаются припадки малой истерии, выражающиеся давлением в горле, сердцебиением и слезами, а изредка и хохотом. Кроме того, **больная с давних пор обнаруживает чисто болезненную боязнь некоторых животных, например кошек и мышей, боязнь привидений, а иногда и боязнь нечистоты, в силу которой она принуждена часто мыть свои руки. Вместе с тем она поразительно нерешительна во всем и тревожится по всяким пустякам. Поводом к тревогам нередко служат даже такие маловажные события, как посылка куда-нибудь прислуги с самым обыденным поручением. Наконец, по временам у больной бывали и более резкие навязчивые идеи; так, если она бывала в обществе, то ей нередко казалось, будто она обидела то или иное лицо своим разговором. Эти мысли об обиде кого-либо обыкновенно подолгу преследовали больную и нередко приводили ее в сильное волнение. Но особенно резко состояние ее ухудшилось недели за три до первого ее визита ко мне в конце декабря. Совершенно неожиданно с ней случилось следующее происшествие, послужившее поводом к развитию мучительных навязчивых идей: она посоветовала одной из своих родственниц, г-же М., страдавшей уже лет 16 чахоткой, поехать на поклонение мощам святого Германа в Свияжск. Г-жа М., действительно, послушалась ее совета, но случилось так, что приехав из Казани в Свияжск, она умерла как раз у цели своего путешествия, в самой церкви. Известие об этом сильно поразило нашу больную. С тех пор ее стала преследовать мысль, что ее родственница умерла благодаря ее неуместному совету. Несмотря на внутреннее разубеждение самой больной, эта мысль с того времени не оставляла ее в покое почти ни одной минуты: она часто и подолгу оплакивала как свою родственницу, так и свой поступок. Беспокоившие ее ранее мысли, вечные сомнения, тревоги и различные страхи теперь отошли на второй план и как бы перестали существовать для больной. Ни развлечения, ни занятия ее уже не успокаивают. Будучи в обществе, она не слышит, что говорят кругом ее, и все думает об одном и том же; хозяйство тоже не идет ей в голову вследствие той же причины. Даже ночью больная нередко**

видит свою несчастную родственницу в сновидениях; вместе с тем ей часто представляются те или другие события, касавшиеся смерти последней. Поэтому больная спит в высшей степени беспокойно, часто просыпается, тревожась и ночью той же мыслью.

При объективном исследовании (17 января) найдено следующее. Больная несколько ниже среднего роста, правильного телосложения, с довольно бледными покровами, но достаточно развитым подкожным жировым слоем. Легкие в порядке. В сердце замечается лишь некоторая возбудимость и склонность к учащенной деятельности. Со стороны кишечника можно отметить некоторую вздутость. Никаких других расстройств внутренних органов не замечается. Чувствительность и двигательная сфер, а равно и рефлексy без существенных изменений.

Назначив больной бромистый натрий, который, впрочем, она и раньше принимала без особенного успеха, я предложил ей, кроме того, лечение гипнозом, на которое она решилась не без колебаний. При первой попытке гипнотизирования больная, наслышавшаяся много о гипнозе, начала обнаруживать сильное волнение; появились даже признаки предстоящего истерического припадка. Ввиду этого, я воспользовался самой слабой степенью сна, применив на первый раз описанный мною ранее способ самовнушения. Как только больная сомкнула веки под влиянием пассивов, я заставил ее повторять за мною следующие слова: «Отныне я не должна более тревожиться смертью М., потому что она умерла не вследствие моего совета, а вследствие того, что была больна уже давно и могла бы одинаково умереть и дома точно таким же образом». Последствием этого самовнушения было то, что уже на следующий день (18 января) больная чувствовала себя лучше, не плакала совсем и хорошо спала ночью. Навязчивая мысль, по ее словам, как бы отдалилась от нее. Правда, она еще приходит на ум, но уже не так беспокоит больную и скоро исчезает из сознания. Дальнейшим последствием самовнушения было то, что больная теперь относилась к гипнозу уже без всякого волнения и могла быть, действительно, в короткое время загипнотизирована с помощью пассивов, причем во время гипноза ей было внушено не мучиться более мыслью о смерти г-жи М. Явления гипноза заключались в том, что больная не могла произвольно открыть глаз; вместе с тем у нее появлялось резкое притупление чувствительности к болевым раздражениям и некоторое расслабление членов.

Для испытания силы внушения в этом относительно легком гипнотическом состоянии я приказал больной сжать в кулак кисть правой руки, заявив после того, что она не может более расправить пальцы; и, действительно, больная некоторое время вовсе не могла раскрыть кулака, а затем хотя и раскрыла его, но лишь после долгих усилий. Следует, впрочем, заметить, что подобные же внушения, хотя и в значительно меньшей степени, удаются у больной и в бодрственном состоянии.

На следующий после гипноза день (19 января) больная заявила, что после вчерашних внушений весь день до вечера чувствовала себя хорошо, но с 8 часов вечера вновь появилась мысль о смерти г-жи М., по ее мнению, вследствие того, что она целый вечер оставалась одна. Ночью в сновидении больная тоже видела М., но утром чувствовала себя довольно покойно. Следует заметить, что со вчерашнего дня у больной открылись месячные, во время которых прежде она всегда чувствовала себя несколько хуже и страдала сильнее навязчивыми идеями. Гипноз вызывается теперь заметно глубже прежнего. Внушения сделаны те же.

20 января больная, явившись ко мне на прием, заявила, что весь вчерашний день после гипноза чувствовала себя очень хорошо и навязчивые идеи в течение дня совсем не появлялись. Ночью спала с 11 до 3 часов, затем проснулась и некоторое время тревожилась прежней мыслью о г-же М., к 5 часам заснула, однако хотя и видела снова во сне М., но, проснувшись утром, чувствовала себя так же хорошо, как и с вечера. Так как больная должна была дней на пять уехать домой в деревню, то, загипнотизировав ее, я внушил ей, чтобы во время своей отлучки из Казани она не думала вовсе о г-же М. и чувствовала себя также и ночью покойно, не видя вовсе М. и во сне. Гипнотический сон у больной теперь получался уже глубже прежнего,

и сила внушений вследствие того изменилась: теперь у больной в состоянии гипноза повторными внушениями можно было вызвать параличи, сведения и полную анестезию, что прежде не удавалось.

Уехав после 20 января, больная вернулась ко мне лишь 12 марта с заявлением, что прежние мысли о г-же М. у ней совершенно исчезли вслед за последним сеансом. По ее словам, от прежнего у ней осталось лишь нервное состояние; но зато в последнее время больную вновь стали беспокоить явления, бывавшие у нее до навязчивой идеи о смерти г-жи М. Так, ее смущает поразительная нерешительность во всем: если, например, ей нужно сделать какое-либо распоряжение по хозяйству, то она постоянно сомневается, как правильнее поступить, и долго не может на что-нибудь решиться; решившись же, меняет свои распоряжения раза по три. Кроме того, она по-прежнему стала бояться некоторых животных (кошек, мышей), возвратилась также и боязнь привидений и нечистоты. В силу последней она постоянно моет руки, иногда бесчисленное число раз в сутки; часто даже моется и вся раза по три в день.

...Ввиду такого состояния больной я решил уже не медлить гипнотическим лечением и 17 марта, загипнотизировав ее, внушил, чтобы она более не мучилась сомнениями, не тосковала и вообще не испытывала никакой боязни, между прочим, и боязни нечистоты.

Через день, 19 марта, больная сообщила мне, что сомнения ее уже не беспокоят в такой мере, как прежде; боязнь нечистоты меньше, и вообще она чувствует себя лучше. Снова сделано внушение в состоянии гипноза...

Оправившись совершенно от мучивших ее навязчивых идей, больная уехала к себе в деревню, где остается и до настоящего времени, не чувствуя потребности в дальнейшем лечении.

Итак, в первый раз, в январе, потребовалось всего 4 гипнотических сеанса (из которых один с самовнушением), чтобы освободиться от мучительной навязчивой мысли, а второй раз, в марте, было достаточно трех гипнотических сеансов, чтобы устранить из сознания больной целый ряд навязчивых идей.

Результат этот, безусловно, говорит сам за себя и не нуждается в особых пояснениях. Во всяком случае способ лечения навязчивых идей гипнозом, на мой взгляд, заслуживает самого серьезного внимания со стороны врачей-специалистов...

Про внушение

...Что такое внушение? Вопрос о том, что такое внушение, есть один из важнейших вопросов новейшей психологии и общественной жизни, получивший в последнее время огромное практическое значение благодаря в особенности изучению гипнотизма; тем не менее ныне твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как первое проявляется в бодрственном состоянии и притом наблюдается в общественной жизни везде и всюду при весьма разнообразных условиях. Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор еще представляется в такой степени мало изученной, что этому понятию различные авторы придавали и придают весьма различное значение.

Уже в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» я обратил внимание на разноречия авторов по этому поводу и на ту путаницу, которая от этого происходит. «Еще недавно этот термин, – говорю я, – не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными. Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения».

...Есть много примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение, по крайней мере в бодрственном состоянии, гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем пример: «Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые томы болтовни, лстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено, они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глядит на «чудесные» предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут, и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они прекрасные, дешевые».

«Уличный оратор влезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и, однако, он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет ее в другом направлении. Речь Антония в «Юлии Цезаре» представляет превосходный пример внушения».

Очевидно, что в этом случае действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы замечено всеми, что торговец не в меру расхваливает свои предметы, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере все, для которых ясна вздорность и лживость уверений, в таких случаях тотчас же отходят от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечаящая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действиях последнего, по крайней мере в большинстве случаев, нет ничего «насильственного», нет ничего такого, что должно быть «преодолеваемо», наконец, нет и ничего такого, от чего «сознание субъекта стремится избавиться». **Все происходит самым обычным, естественным порядком, и, однако, это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия.** Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопротивление со стороны человека, которого оно имеет в виду, и тем не менее оно проникает в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго на Отелло, который первоначально встречает это внушение сильным сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда «яд ревности» начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Также и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны гипнотизируемого лица. Особенно часто это случается с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного лица.

Очевидно, что в гипнозе личность большей частью не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии ему со стороны лица, которому производится внушение, мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу того или другого лица без малейшего сопротивления с его стороны. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у него парализована, и оказывается, что с этих пор в самом деле он лишился употребления руки. Все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом случае, как и во многих других случаях, нет и тени сопротивления.

...Нельзя также думать, что внушение не допускает критики. Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемой идеи с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его «я». Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже и критики, не переставая быть в то же время внушением.

Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность еще относится с критикой ко всему окружающему, и в том числе к внушению. Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. «Вы что-нибудь видите?» – спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. «Не нужно ли вам что-нибудь сделать?» – спрашиваю я. «Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не надо!» – отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним. Очень хороший тому пример мы находим также у Б. Сиддиса (доктор, преподаватель Гарварда Борис Сиддис. – Ред.). Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. «Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул: «Нет, я не стану этого делать!» «Что делать?» – спросил я. «Зажечь сигаретку, это бессмыслица!»

«А вам очень хотелось это сделать?» – спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: «Вы очень желали это сделать?» «Не очень», – отвечал он коротко и уклончиво».

Таким образом, «принятие без критики внушенных идей и действий» также не составляет безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях послегипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается не осуществленным вовсе, как это было в только что приведенных примерах. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, и двигательный автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.

Итак, внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется далеко не всегда автоматически.

Надо, впрочем, заметить, что в других случаях внушение действительно входит в психическую сферу как бы насильственным образом и, будучи принято без всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполне автоматически. Примером таких внушений может служить способ внушения аббата Faria, действовавшего одним приказанием. К этому же порядку внушения относится и всем известная команда, которая основана везде и всюду не столько на силе страха за непослушание и на сознании рациональности подчинения, сколько на действительном внушении, которое в этом случае врывается в сознание насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумывания и критики, приводит к автоматическому выполнению внушения.

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления. Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны внушающего лица и которое может происходить или незаметно для лица, которому производится внушение, или же с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует «я» субъекта, которое направляет внимание, соотносясь с ходом нашего мышления и окружающих условий, на те или другие предметы и явления. Последние, входя в психическую сферу при участии внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся прочным достоянием личного сознания или нашего «я».

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно скрываются за порогом сознания, но так, что каждую минуту по желанию «я» они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но, кроме активного восприятия, многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я», когда внимание наше чем-либо занято, напр. при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше вследствие тех или других причин ослаблено, как это наблюдается, напр., в состоянии рассеянности. И в том и в другом случае

предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в другие области нашей психической сферы, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является достаточно независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами по произволу введено в сферу личного сознания. Но тем не менее продукты общего сознания могут при известных условиях входить и в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего «я», образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых в тех и других случаях. Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит благодаря случайному сцеплению идей и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во сне или в глубоком гипнозе, то на сцену сознания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, о чем мы не можем даже и помыслить в сфере личного сознания.

Вряд ли можно сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которое происходит помимо нашего «я», проникает непосредственно в сферу общего сознания. Еще в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» (СПб., 1898) я определил внушение после соответствующих разъяснений следующим образом:

«Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания». Я пояснил при этом, что «в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с *участием личного сознания*».

...Несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению.

Так, приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения в силу разумности подчинения вообще и т. п. В этом отношении приказание действует совершенно подобно убеждению. Но независимо от того приказание действует, по крайней мере в известных случаях, и непосредственно на психическую сферу как внушение. Как известно, термин «внушение» до введения его в психологию предпочтительно употреблялся публикой для выражения властного влияния одного лица на другое. Лучшим примером влияния приказа как внушения может служить команда, которая действует, как известно, не только путем страха перед последствиями за непослушание, но и путем прямого внушения, не давая возможности здраво обсудить предмет команды. Точно так же и **пример, с одной стороны, действует, несомненно, на разум путем убеждения**

в полезности того, что человек видит и слышит; с другой стороны, пример может действовать и наподобие психической заразы, иначе говоря, путем прямого внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

В этом отношении мы напомним о заразительном влиянии публичных казней, о самоубийствах из подражания, о передаче путем подражания судорожных болезненных форм и т. п.

Что касается других форм воздействия одних лиц на других, как требование, советы, выражение надежды или желания, то в сущности они не имеют в виду ничего более, как предоставить материал для суждения другому лицу, а следовательно, имеют в виду поддержать или укрепить в нем определенное убеждение, хотя в известных случаях и эти формы воздействия могут влиять непосредственно на сознание наподобие внушения.

Таким образом, как приказание, так и пример, а равно и другие формы психического воздействия одних лиц на других действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения, чаще же они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение и потому не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению... Поэтому-то и в слове «внушать» мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы подразумеваем не только достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату.

По нашему мнению, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова, или воздействие производится при посредстве какого-либо явления или действия, т. е. имеем ли мы словесное или конкретное внушение, оно всегда влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или по крайней мере без переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание того или иного психофизического состояния.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. д. Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего и самосознающего «я» или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом, внушать – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний помимо его «я», т. е. в обход его самосознающей и критикующей личности.

Если внушение есть нечто иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания данного лица, которому производится внушение, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда проникает в психическую сферу или незаметно, вкрадчиво, при отсутствии особого сопротивления со стороны «я» субъекта, или по крайней мере при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же, когда оно сразу подавляет психическое «я», устраняя всякое сопротивление со стороны последнего...

О роли внушения в общественной жизни (часть 1)

...Когда на мою долю выпала высокая честь, согласно установившемуся академическому обычаю, произнести речь в торжественном актовом собрании, я после некоторых колебаний решил остановиться на практической теме и выбрал вопрос о внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни.

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробах, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о *contagium psychicum*, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом, **где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.**

...Как о распространении физического заражения еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия искусственного прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний удастся лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как искусственно вызванное видоизменение нормального сна.

...Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиной сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиной гипноза.

Опыт показывает далее, что гипноз не составляет необходимого условия для внушения, что внушение вполне возможно и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличности воли. Есть лица, у которых внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как и в состоянии гипноза.

Исследуя сам неоднократно таких лиц, я убедился, что они по существу ничем не отличаются от всех прочих, кроме, быть может, большей нервности и впечатлительности.

При этом не подлежит никакому сомнению, что восприимчивость их к внушениям происходит в нормальном психическом состоянии.

Но суть в том, что **эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия.** Благодаря этому внушения входят в их психическую сферу помимо их «я», точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъект, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий **случай, недавно представившийся моему наблюдению в клинике.**

Осенью 1896 года мы приняли молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов. Этот паралич длился уже более месяца, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил, таким образом, перейти в те хронические параличи, которые длятся годами и не поддаются излечению. Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники он был загипнотизирован простым закрытием глаз и затем благодаря внушению излечен от паралича совершенно и уже в гипнозе начал ходить.

Когда он был разбужен, то, к удивлению своему, убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить. Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в состоянии полного паралича нижних конечностей, перевозимого лишь на коляске.

С этих пор у больного оставались одни истеро-эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем как демонстрировать больного на лекции перед студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение действовало на больного так, что он совершенно приободрился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры и параличи, иллюзии и галлюцинации – словом, все, что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами...

Мы сейчас имеем в клинике истерическую больную, у которой в бодрственном состоянии так же легко осуществляются разнообразные внушения, как, напр., иллюзии, галлюцинации и пр., и которая этими внушениями легко излечивается от разнообразных нервных припадков.

Приведенные примеры, подобных которым я мог бы привести довольно много, не оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза.

Таким образом, для внушения в сущности не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или так называемого «я», при отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого субъекта действует с непреодолимою силою на последнего, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиники. **Известно, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения;** не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное целебное значение королевской руки, магическое действие хлебных пилюль, невской воды и других индифферентных средств против многих болезней, магическое слово аббата Faria, одним повелением исцелявшего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением, наконец, многие из тех внезапных исцелений, которые нередко ставят в тупик очевидцев и которые повторяются еще и поныне.

Примера ради достаточно указать на недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шляттера, который, начав башмачником в Данвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением. С этих пор он закрывает свою торговлю, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки.

Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Особенной славой он пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним случилось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие – что он вознесся на небо. Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели – лже-Шляттеры.

В конце концов скелет настоящего Шляттера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьера-Мадре в 50 милях от *casas grandes* в провинции Чигуагуе.

Этот поразительный пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всею яркостью, какова может быть сила внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого внушения и в отсутствии психического противодействия по отношению к внушению.

Но не повторяется ли то же самое в большей или меньшей мере и с врачом, подходящим к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоравливающее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно в буквальном смысле слова действует на больного суровый, холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Надо, впрочем, заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

Вообще надо признать, что так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что намеренное внушение в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удастся далеко не у всех.

Но совершенно другое мы имеем, когда дело идет не о намеренном, но о совершенно невольном внушении, производимом при естественном общении одного лица с другим. Это внушение происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомним здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одного веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного и монотонного делается очень веселым и оживленным. В свою очередь оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения, или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным *взаимовнушением*. Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала. Оно не ограничивается только отдельными более

или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых, необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собою разумеется, что и в отношении непроизвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и, следовательно, более доверчивые натуры, легче поддаются непроизвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее. **Возникает, однако, вопрос: каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.**

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанного.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому является орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действительным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения. Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что **весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольное сжимание губ и обильное слюноотделение.** Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувств. Всякий знает, что взаимное пожимание рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами. Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он отрезал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает. Через

несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то, что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Сальпетриере (больница в Париже. – Ред.), причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно, следовательно, и такой орган, как мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения. Надо думать, что не составляют в этом отношении исключения даже и такие органы, как орган обоняния и вкуса.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить все вообще органы чувств, не исключая осязания и мышечного чувства, но само собою разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как органы, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действуют везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего общаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между лицами, совместно живущими, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической натуры и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты. Факт этот, между прочим, объясняет нам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое, очевидно, более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожительстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается, по-видимому, еще чаще, нежели в массе всех вообще браков. Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собою ряд других истерик, с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и совершенно незаметного прививания, или внушения.

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного помешательства. В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и, с другой – передача болезненных психических состояний от одного лица другому.

Известны примеры, что случаи наведенного помешательства наблюдались в целой семье, состоящей из четырех, пяти и даже шести лиц. Эти случаи представляют, таким образом, уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других и в

таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (folie transformée).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное обособление больных, влияющих друг на друга.

Можно, конечно, подумать, что в вышеприведенных примерах дело идет о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченной и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные или массовые галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собой одно из интереснейших психологических явлений. **Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.**

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, т. е. труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неописуемый страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь. Наутро дело разъяснилось: вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставлял штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, причем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 году Фрегат «Bella-Poule» и корвет «Vergesau» были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду корвет «Vergesau» и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточного берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски его вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа «Bella-Poule» мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец, однажды в жаркий солнечный день после полудня сигнальником, сидевшим на мачте, был замечен на западе вблизи берега корабль, лишенный мачты. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигнальщика было справедливо.

Само собой разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели перед собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем с каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер «Archimede». День уже приходил к концу и начинала спускаться южная ночь, когда «Archimede» подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера «Archimede» видел погибавших на плоту людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия

рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега огромных деревьев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля «Vergseau» окончательно погибла. Самая их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море, сильно возбудили нервы пассажиров. Беспокойство и страх за участь 300 сотоварищей, бывших на «Vergseau», сильно содействовали известному направлению умов.

Естественно, что мысли всех сосредоточивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигналист замечает на горизонте на стороне солнечного заката странный предмет с неясными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета в его глазах воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было уже достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной идеи. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашались, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствия. Такая галлюцинация длится много часов до наступления ночи, когда посланные с крейсера «Archimede» шлюпки врезались в густую листву плавающих деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают.

Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. **Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, несмотря на то что современная аэронавтика не давала основания верить в действительность этих полетов.** Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторяется ли та же история и с шаром Андре (имеется в виду неудачная попытка шведских ученых добраться до Северного полюса, в ходе которой все три члена экспедиции, в том числе и организатор Август Андре, погибли в 1897 году. – Ред.)?

Сколько уже было получено телеграмм из разных концов Северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц. Не имеется ли и здесь дела с массовой иллюзией или галлюцинацией, подобно тому как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение, по крайней мере, напрашивается само собой, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или другой местности. Видение это, стереотипно повторявшееся в нескольких местах, было настолько полным, что, как известно, была даже высказана мысль, что оно могло обуславливаться существованием особой не открытой еще планеты, с чем, однако, совершенно не согласуется относительная быстрота движения видимого шара.

Не менее известны исторические примеры множественных галлюцинаций. К числу таких исторических галлюцинаций относится, между прочим, известное видение креста на небе с надписью «Сим победишь» – видение, испытанное воинами Константина Великого перед началом решительной битвы.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время, особенно в Средние века. Они возможны даже и теперь, как показывает случай, описанный Verga.

В период тяжелой холерной эпидемии в 1885 году жители деревни Корано, близ Неаполя, начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на одном из ближайших холмов, где стояла часовня.

Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начало стекаться множество народа.

Видение это продолжалось до тех пор, пока итальянское правительство не приняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения внушения, совершенно невольного, со стороны одних лиц на других.

Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица с психической неуравновешенностью особенно легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мыслей, которые тотчас же путем невольного внушения сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большею частью роковое, значение. Известно, что в Габсбургском доме, например, такую галлюцинацией, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения кончины и передается из уст в уста в виде семейной или родовой внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретиться и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из рода в род передавалась боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и, действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали совершенно случайно или намеренно от выстрелов из ружья или револьвера.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и *самовнушение*, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное, однако, не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого лица, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появления иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив того, нередко действует даже вопреки всякой логике.

Кому не известно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует?

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств. Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольно настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, **могут быть**

объяснены и некоторые другие темные психические явления, как, напр., предчувствие.

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Этим путем, между прочим, **объясняются различные стигматы и даже перидические кровоизлияния из тех областей тела, из которых сочилась кровь у распятого Христа**, как показывает известный в медицинской литературе и тщательно проверенный видными научными авторитетами.

Но мы бы отвлеклись далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задались целью подробнее разьяснять только что указанные явления нашей психической жизни.

Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектантства, выражающиеся в крайне грубых формах. Кто не помнит еще так недавно проявившегося изуверства тираспольских беспоповцев погребением и замуровыванием живьем в подземельях 25 человек по их собственному желанию? Читая описание этого потрясающего события, перед которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что так спокойно шли эти сектанты на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведников.

Ковалев, выполнивший этот обряд, погребен в Терновских хуторах над 25 сектантами, в числе которых были его мать, дочь и жена, сам, очевидно, также находился под внушением со стороны монахини скитницы Виталии, которая отдавала ему свои повеления даже в то время, когда уже находилась в числе шести человек в подаемной нише и была забрасываема землею.

Бесспорно, что убеждения раскольников, признающих народную перепись за антихристову запись, за отчуждение от Христа и от истинной христианской веры, создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самосожжения, как это случилось уже не однажды с нашими раскольниками, до закапывания в землю или до так называемого запощения или до уморения себя голодом еще далеко. Не подлежит, однако, сомнению, что раскольничья среда в скитах, в некотором отчуждении от внешнего мира, при постоянном посте и молитвах представляет крайне благоприятные условия для поддержания и развития религиозного фанатизма. При этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву. Эта проповедь действует в этих случаях не столько путем убеждения, сколько силой внушения и взаимовнушения, что и приводит к окончательному решению «соблюсти благочестие без отступления», согласно выражению самих раскольников.

Не подлежит никакому сомнению, что в терновских происшествиях роль главного вожака играла Виталия, которая, действуя первоначально по убеждению, в значительной мере укрепляла себя в проповеднической роли благодаря самовнушению. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсуждения последней в ските, общая тревога и страх за последствия переписи поддерживали и укрепляли между членами путем взаимовнушения мысль о необходимости закопаться или запоститься. Исполнитель же закапываний Ковалев, как человек недалекий, находился под внушением как Виталии, так и других лиц, поддерживавших общее настроение раскольничьего скита.

Время не позволяет долее останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почву уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь, бесспорно, крупную роль.

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях. На этих психопатических эпидемиях отражаются, бесспорно, прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной мест-

ности. Но не может подлежать никакому сомнению, что эти эпидемии развиваются главным образом путем взаимовнушения и самовнушения.

Господствующие воззрения являются только более или менее благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в Средние века, бесспорно, носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано главным образом, если не исключительно, силе внушения. Вот, например, средневековой пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи в одном из патетических мест, к ужасу слушателей, воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим следуют другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоодержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужебных церемоний.

Когда укоренились известные воззрения о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит, таким образом, к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история Средних веков.

Особенно большими эпидемиями бесноватых, как известно, славится XVII век. Бесноватость, встречавшаяся во все времена, была в полном смысле слова недугом этого века, подобно тому как колдовство было недугом XVI века, а мания величия и мания преследования являются болезнями нашего столетия.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекавшие из мировоззрения Средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали склонность к эпидемическому распространению.

Таково, очевидно, происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски Св. Витта и Св. Иоанна, народного танца, носящего название тарантеллы, и, наконец, так называемого квиэтизма. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерах из Луи Дебонера. **Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки.** Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются, их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыряться и производят движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, парализованными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений. Прочитав это описание современника, кто из невропатологов станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически.

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи Филе:

«Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски Св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в., с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионируют, и конвульсионировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионировующих как бы вперегонку друг с другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие, немного дальше, глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье.

Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешерон, который, чтобы быть на виду у всех, стоит на могиле.

Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое «па», знаменитый скачок карпа (*saute de Carpe*), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище.

Однако эта мера не прекратила безумия конвульсионеров. Так как было запрещено конвульсионировать публично, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах, и зло от того еще более усилилось. Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для рассеивания ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию.

Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионировующий предавался суду, специально учрежденному при Арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не вывелись».

Прочитав эти строки, можно ли сомневаться в том, что эти эпидемии конвульсионировующих развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий? **Очевидно, подобным же образом объясняется и происхождение колдовства, этой страшной болезни, из-за которой погибло на кострах и эшафотах, наверно, много более народа, нежели во всех, вместе взятых, войнах нынешнего столетия.**

Не допустив взаимовнушения и самовнушения, мы не могли бы понять ни столь значительного распространения эпидемий колдовства, проявлявшихся в самых различных частях Европы, особенно в XVI веке, ни почти стереотипного описания видений, которым подвергались несчастные колдуны и колдуньи Средних веков.

По описанию Реньяра, к женщине, которая обыкновенно подвержена конвульсивным приступам, в один прекрасный вечер является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы из земли.

Вот как описывают его колдуньи на суде: «Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером, или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы.

Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; показывает ей свою шляпу, полную денег; но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Св. крещения, от Бога и отдаться сатане душой и телом».

Вот стереотипные описания демонических галлюцинаций, которым подвергались истерические женщины средних веков, или так называемые колдуньи по тогдашним понятиям.

Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму благодаря представлениям, упрочившимся в сознании путем самовнушения или внушения, быть может еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазнителя.

Другое не менее распространенное убеждение в народе, которое получило особенную силу благодаря религиозному мистицизму в эпоху Средних веков и последующий за ними период времени, есть так называемая **бесоодержимость, т. е. обладание дьяволом человеческим телом**. Благодаря самовнушению эта идея нередко является источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые также способны к эпидемическому распространению.

«Первая большая эпидемия этого рода, – по словам Реньяра, – произошла в мадридском монастыре.

Почти всегда в монастырях, и главным образом в женских обителях, религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекло за собою различные нервные расстройства, составляющие в своей совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменье которого донне Терезе еле исполнилось в то время 26 лет.

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена изо рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред.

Несчастливая объявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже сделалась жертвой этого недуга.

Тогда начались в обители неописуемые сцены: монахини по целым ночам выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник Франсуа Гарсиа прибег к заклинанию бесноватых, но неуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри.

Гарсиа, обнаруживавший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами, прежде чем напасть на них».

Бесноватость бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией луденских урсулинок, беснования которых относятся к следующему 1631 году. «В Лудене существовала община урсулинок, посвятивших себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц.

Приором монастыря был аббат Муссо, вскоре, впрочем, умерший. Спустя непродолжительное время после его кончины он однажды явился к г-же де Бельсьель ночью в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастье товаркам. Результат получился как раз обратный – вместо одной привидение стало посещать всех монахинь. В дортуаре то и дело раздавались крики ужаса, и монахини пускались в бегство. Слово «одержимость» было пущено в ход и принято всеми. Монах Миньон, сопровождаемый двумя товарищами, явился в обитель для изгнания злого духа.

Игуменья мадам де Бельсьель объявила, что она одержима Астаротом, и, как только начались заклинания, стала издавать вопли и конвульсивно биться; в бреду она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья, кроме того, утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

На других одержимых, между прочим на мадам де Сазильи, находили конвульсии, повторявшиеся ежедневно, особенно во время заклинаний.

Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле, в то время как священники со Св. Дарами в руках гнали за ними; изо рта у них высывался язык, совсем черный и распухший. Когда галлюцинации присоединялись к судорогам, то одержимые видели смущавшего их демона. У мадам де Бельсьель их было 7, у мадам де Сазильи – 8, особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакорум, Уриель, Бегемот, Дагон, Магон и тому подобные. В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях.

В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других они переходили в сомнамбулизм и бред или в состояние полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.